

ДЖОРДЖ Р.Р. МАРТИН

ДЖОРДЖ Р.Р. МАРТИН

ДИКИЕ КАРТЫ

КНИГА 4. ТУЗЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-312.9
ББК 84(7США)
М 29

George R.R. Martin

WILD CARDS IV: ACES ABROAD

Copyright © 1988, 2002 by George R.R. Martin

Разработка серии *С. Шикина*

Иллюстрация на переплете *Д. Бороздиной*

Оформление *А. Саукова*

Мартин Дж. Р. Р.

М 29 Дикие карты. Кн. 4. Тузы за границей / Джордж Р. Р. Мартин. — М. : Эксмо, 2013. — 544 с.

ISBN 978-5-699-62189-7

Сорок лет минуло с тех пор, как 15 сентября 1946 года над Манхэттеном был распылен чудовищный вирус «дикой карты», навсегда изменивший ход мировой истории. Америка, принявшая на себя основной удар, пострадала больше других, но за сорок лет кое-как научилась жить со своим новым лицом и бороться с могущественными преступниками-мутантами. Таинственный Астроном мертв, его египетские масоны разгромлены, далеко в космосе приручен и направлен прочь от Земли враждебный человечеству Рой... Однако «дикие карты» есть не в одной Америке, и силы хаоса действуют не только в тени манхэттенских небоскребов и на убогих улочках Джокертауна. Кругосветное турне, предпринятое сенатором Хартманном вместе с группой тузов и джокеров, подтверждает это буквально на каждой миле.

УДК 82-312.9
ББК 84(7США)

© И. Тетерина, перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-62189-7

Стивен Ли

ПРИВКУС НЕНАВИСТИ

ПРОЛОГ

Четверг, 27 ноября 1986 года, Вашингтон

Экран телевизора бросал мерцающие отблески на праздничное блюдо, которым Сара намеревалась отметить День благодарения, — готовый обед из индейки, дымящийся в фольге на кофейном столике. На телеэкране толпа уродливых джокеров маршировала по раскаленным от летнего зноя нью-йоркским улицам; их губы выкрикивали неслышные лозунги и ругательства. Выцветшее зернистое изображение подрагивало, как это бывает с кадрами старой кинохроники. Внимание оператора привлек красивый мужчина чуть за тридцать, в рубашке с закатанными рукавами, небрежно наброшенном на одно плечо пиджаке и болтавшемся на шее галстуке — сенатор Грег Хартманн, каким он был в тысяча девятьсот семьдесят шестом году. Хартманн прошел сквозь полицейское оцепление, сдерживавшее напор джокеров, отмахнулся от своих телохранителей, которые пытались удержать его, что-то крикнул полицейским. И, оказавшись в одиночестве между полицией и приближавшейся толпой джокеров, знаками принялся уговаривать их отступить.

Потом оператор заметил в рядах джокеров какое-то волнение, и камера начала бестолково перескакивать с одного смазанного, расплывчатого лица на другое. В центре давки показалась проститутка-туз по прозвищу Суккуба, чье тело, казалось, состояло из жидкой ртути, так как ее облик ежесекундно изменялся. Вирус дикой карты наделил ее сексуальной эмпатией — Суккуба могла принимать любой образ, который казался наиболее притягательным очередному ее клиенту, но сейчас она явно утратила власть

над этой своей способностью. И окружавшие ее мужчины с искаженными от вожделения лицами набросились на нее! Рот Суккубы раскрылся в умоляющем крике: обезумевшая толпа, в которой уже смешались и джокеры, и полицейские, рвала ее на части. В этот миг на экране снова появился сенатор — тот остолбенело смотрел на Суккубу. Ее руки тянулись к Хартманну, умоляющий взгляд был устремлен на него. Потом несколько секунд она была полностью скрыта чужими телами. Затем толпа потрясенно расступилась. Камера последовала за Грегом Хартманном: он протискивался сквозь кольцо окружавших Суккубу людей, сердито расталкивая их по сторонам.

Сара потянулась к пульту дистанционного управления. Она нажала на «паузу», и сцена на экране замерла — мгновение, которое определило всю ее жизнь. По лицу женщины текли обжигающие слезы.

Растерзанное тело Суккубы лежало в луже крови; мертвое лицо было заброшено, и Хартманн смотрел на него с ужасом — с тем же ужасом, какой испытывала сейчас и Сара.

Ей был знаком этот облик, который Суккуба, кем бы она ни являлась на самом деле, обрела в последний миг перед смертью. Эти девичьи черты навсегда запечатлелись в памяти Сары. У Суккубы было лицо Андреа Уитмен.

Старшую сестру Сары зверски убили в тысяча девятьсот пятидесятом году в возрасте тринадцати лет.

Сара знала, кто долгие годы хранил в своей памяти облик юной Андреа и кто придал ее черты безгранично податливой Суккубе.

— Скотина, — сдавленным шепотом бросила она сенатору Хартманну. — Поганая скотина. Мало того, что ты убил мою сестру, так еще и после смерти не хочешь оставить ее в покое.

ИЗ ДНЕВНИКА КСАВЬЕ ДЕСМОНДА

30 ноября, Джокертаун

Меня зовут Ксавье Десмонд, и я джокер.

Джокеры всюду чужие, даже на той улице, где появились на свет, а этот ко всему прочему еще и собирается пуститься в путешествие по далеким краям. В ближайшие пять месяцев я увижу вельд и горы, Рио и Каир, Хайберский перевал и пролив Гибралтар, австралийские пустыни и Елисейские Поля — словом, мне предстоит забраться довольно далеко для человека, которого нередко именовали мэром Джокертауна. Никакого мэра, разумеется, в Джокертауне нет. Это всего лишь район, даже, если угодно, гетто, а не город. Но Джокертаун — не просто участок на карте Нью-Йорка, но, скорее, образ жизни, состояние души. Возможно, в этом смысле мой титул принадлежит мне по праву.

Я стал джокером с самого начала. Сорок лет назад, 15 сентября 1946 года, когда Джетбой погиб в небесах над Манхэттеном и тем самым открыл вирусу дикой карты дорогу в наш мир, я был преуспевающим двадцатидевятилетним банкиром, мужем прелестной жены и отцом двухлетней дочери. Передо мной лежало прекрасное будущее. Месяц спустя меня выписали из больницы — страшилище с розовым слоновьим хоботом посередине лица, на том самом месте, где у меня когда-то был нос. Мой хобот оканчивается семью в высшей степени функциональными пальцами, и с годами я научился весьма ловко пользоваться этой третьей рукой. Если бы мне вдруг каким-то образом вернули так называемый «человеческий облик», полагаю, я воспринял бы это как ампутацию руки или ноги. Наверное, это забавно, но с хоботом я куда больше, чем человек... и неизмеримо меньше.

Обожаемая и прелестная женушка ушла от меня через две недели после моей выписки из больницы, и приблизительно в то же время из «Чейз Манхэттен» уведомили, что в моих услугах

там больше не нуждаются. Девять месяцев спустя я переехал в Джокертаун: из моей квартиры на Риверсайд-драйв меня выселили по «санитарно-гигиеническим причинам». В последний раз я виделся со своей дочерью в тысяча девятьсот сорок восьмом году. В июне шестьдесят четвертого она вышла замуж, в шестьдесят девятом развелась, в июне семьдесят второго снова сочеталась браком. Похоже, июньские свадьбы — ее слабость. Меня ни на одну из них не пригласили. Частный детектив, которого я нанял, сообщил мне, что сейчас она со своим мужем живет в Салеме, штат Орегон, и что у меня есть двое внуков, мальчик и девочка — по одному от каждого из ее браков. Сильно сомневаюсь, чтобы кому-либо из детей было известно о том, что их дед — мэр Джокертауна.

Я — основатель и почетный президент Антидискриминационной лиги джокеров, АДЛД, старейшей и самой крупной организации, которая занимается защитой гражданских прав жертв вируса дикой карты. У АДЛД случались и неудачи, но в целом она достигла больших высот. Кроме того, я — довольно успешный коммерсант. Мне принадлежит один из известнейших и самых изысканных ночных клубов Нью-Йорка — «Дом смеха», где джокеры, натуралы и тузы более двух десятков лет наслаждаются самыми популярными эстрадными номерами в исполнении джокеров. Последние пять лет «Дом смеха» несет убытки, но, кроме меня и моего бухгалтера, об этом никому не известно. Я не закрываю его потому, что это «Дом смеха» и, если бы его не стало, Джокертаун утратил бы часть своего колорита.

В этом месяце мне стукнет семьдесят. Мой врач утверждает, что до своего семьдесят первого дня рождения я не доживу. Раковая опухоль успела дать метастазы еще до того, как ее обнаружили. Даже джокеры упрямо цепляются за жизнь, и я уже полгода прохожу курс химио- и лучевой терапии, но болезнь никак не желает отступать.

Врач говорит, что путешествие, в которое я собираюсь, скорее всего будет стоить мне нескольких месяцев жизни. Я взял с собой все рецепты и буду продолжать послушно принимать таблетки, но, когда переезжаешь с места на место, о лучевой терапии приходится забыть. Я смирился с этим.

Мы с Мэри часто мечтали о поездке вокруг света — еще до дикой карты, когда мы были молоды и любили друг друга. Кто бы

мог подумать, что я все-таки соберусь осуществить нашу общую мечту — без жены и на закате своих дней, за государственный счет, как и все остальные члены исследовательской делегации, созданной и финансируемой Сенатом, а именно Комитетом по исследованию возможностей и преступлений тузов при поддержке ООН и ВОЗ. Мы побываем на всех континентах, кроме Антарктиды, посетим тридцать девять различных государств (некоторые — всего на несколько часов), и нашей задачей будет изучить отношение к жертвам вируса дикой карты.

Нас, делегатов, двадцать один человек, и лишь пятеро из них — джокеры. То, что выбор пал в том числе и на меня, я считаю величайшей честью, знаком признания моих заслуг и моего статуса главы нашего сообщества. Полагаю, благодарить за это следует моего доброго друга, доктора Тахиона.

Что и говорить, доктора Тахиона следует благодарить и еще за очень многое.

ПРИВКУС НЕНАВИСТИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Понедельник, 1 декабря 1986 года, Сирия

Сухой пронизывающий ветер дул с гор Джабальан-Нисаиря, летел над лавовым плато и каменистой пустыней Бадиет-эш-Шам. Торговцы на рыночной площади кутались в свои мешковатые одеяния, почти не защищавшие от холода. Шальной порыв ветра влетел под соломенную крышу самой большой среди всех глиняных хижин и едва не потушил огонь, на котором стоял эмалированный чайник.

Миниатюрная женщина в традиционной мусульманской одежде разлила чай в две маленькие чашечки. За исключением нитки ярко-голубых бус на голове, никаких украшений на ней не было. Одну чашку она передала невысокому мужчине с волосами цвета воронова крыла. Под одеянием из лазурной парчи кожа у него лучилась мерцающим изумрудным сиянием. От нее веяло жаром, как от растопленной печки.

— Скоро еще похолодает, Наджиб. — Женщина отпила глоток приторно-сладкого чая. — Тебе наконец станет полегче.

Наджиб повел плечами, как будто ее слова ничего не значили. Его губы сжались; горящие черные глаза впились в нее взглядом.

— Это дар Аллаха, — сказал он грубым от привычной надменности голосом. — Ты ни разу не слышала от меня слов жалобы, Майша, даже в летний зной. Я не женщина, чтобы хныкать по пустякам.

Глаза Майши сузились.

Я — кахина, Наджиб, — ответила она с едва уловимой ноткой вызова в голосе. — Мне, провидице, известны многие тайны.

Я знаю, что, когда камни пышут жаром, мой брат сожалеет о том, что он Нур аль-Алла, Свет Аллаха.

От неожиданной оплеухи, которую мужчина отвесил ей тыльной стороной ладони, ее голова мотнулась в сторону. Чай обжег пальцы и запястье, чашка разлетелась вдребезги, когда Майша, выронив ее, распростерлась у ног брата. Женщина знала, что позволила себе слишком много. Не поднимаясь с колен, она подобрала осколки чашки, подолом одеяния вытерла разлитый чай.

— Сайид приходил ко мне сегодня утром. — Наджиб не сводил с нее пронзительно-черных глаз. — Он опять недоволен тобой. Жалуется, что ты плохая жена.

— Сайид — жирный боров, — отозвалась Майша, не поднимая взгляда.

— Он говорит, что через силу заставляет себя делить с тобой ложе.

— Можно подумать, я его об этом прощу.

Наджиб нахмурился.

— Пф! Сайид возглавляет мое войско. Его искусство отбросит неверных обратно в море. Аллах даровал ему тело бога и дух победителя, и он подчиняется мне. Поэтому я отдал ему тебя. Коран учит: «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими. Порядочные женщины — благоговейны»¹. Ты превратила дар Нура аль-Аллы в насмешку.

Майша вскинула на него глаза, в которых горел вызов, а ее маленькие ручки стиснули глиняные осколки.

— Мы были вместе в материнском чреве, брат. Такими нас сотворил Аллах. Он осенил тебя Своим светом и Своим голосом, меня же наградил даром Своего видения. Ты — Его уста, Его пророк; я — твое предвидение будущего. Твоя гордыня тебя погубит.

— Так внемли же велению Аллаха и будь послушной. Радуйся, что Сайид не настаивает на том, чтобы ты соблюдала обычай пурда, — он знает, что ты провидица, и потому не заставляет тебя жить в затворничестве. Зря наш отец послал тебя в Дамаск учиться; дурное влияние неверных заразительно. Ублаготвори Сайида, потому что это доставит удовольствие мне. Моя воля — воля Аллаха.

— Лишь временами, брат...

¹ Коран, сура 4:34. (Перевод И. Ю. Крачковского.) (Здесь и далее прим. перев.)

Умолкнув, Майша устремила взгляд куда-то вдаль, пальцы сжались. Она вскрикнула: осколки чашки поранили ей пальцы, из неглубоких порезов потекла алая кровь. Женщина покачнулась, и ее взгляд снова стал осмысленным.

Наджиб шагнул к ней.

— В чем дело? Что ты видела?

Майша прижала порезанную руку к груди; зрачки у нее расширились от боли.

— Для тебя имеет значение только то, что касается тебя самого, Наджиб. Не важно, что я поранилась, что я ненавижу своего мужа и что Наджиб и его сестра Майша растворились в тех предназначениях, которыми Аллах наделил их. Имеет значение лишь то, что провидица может сказать Нуру аль-Алле.

— Женщина... — угрожающе начал Наджиб.

Его голос обрел необоримую глубину, тембр, от которого голова Майши сама собой вскинулась, а рот открылся, чтобы заговорить и повиноваться — не раздумывая. Она задрожала, как будто ее настиг порыв холодного ветра сгор.

— Не пытайся испробовать свой дар на мне, Наджиб, — хрипло сказала она. По сравнению с голосом ее брата ее собственный казался грубым и резким. — Я тебе не просительница. Если будешь слишком часто принуждать меня к чему-то голосом Аллаха, в один прекрасный день может оказаться, что я собственными руками лишу тебя Его глаз.

— Тогда будь провидицей, сестра, — ответил Наджиб, но на этот раз своим собственным голосом. Он наблюдал за тем, как она подошла к украшенному мозаикой сундуку, вытащила оттуда чистую тряпицу и медленно перевязала руку. — Расскажи мне о том, что ты видела. Это было видение джихада? Ты снова видела меня с калифским скипетром в руках?

Майша прикрыла глаза, и в ее мозгу снова промелькнул неуловимый образ.

— Нет. Такого еще не было. Мне пригрезился сокол на фоне солнца. Когда птица подлетела ближе, я увидела, что в ее когтях извивается сотня людей. Внизу на горе стоял великан, и в руках у него был лук. Великан выпустил в птицу стрелу, и раненый сокол гневно закричал. И те, кого он держал в когтях, тоже закричали. Великан положил на тетиву вторую стрелу, но лук изогнулся

у него в руках, и стрела попала прямо в грудь исполину. Я видела, как он упал... — Она открыла глаза. — И все.

Наджиб нахмурился. Провел по лицу сияющей рукой.

— И что это значит?

— Я не знаю, что это значит. Аллах посылает мне видения, но не всегда — понимание. Возможно, великан — это Сайид...

— Это было твое собственное видение. Аллах здесь ни при чем. — Наджиб отошел от нее, и Майша поняла, что он сердит. — Я — сокол, который держит правоверных, — продолжал он. — Ты — великан, потому что принадлежишь Сайиду, который тоже велик. Аллах посылает тебе предупреждение о том, к чему приводит неповиновение. — Он отвернулся от Майши и закрыл окна ставнями от слепящего пустынного солнца. Снаружи доносился призыв муэдзина с минарета деревенской мечети: «Ашхаду алля иляха иляллах!» — «Аллах велик, и нет Бога, кроме Аллаха».

— Ты только и мечтаешь о завоеваниях, о джихаде. Спишь и видишь, как бы стать вторым Мухаммедом, — съязвила сестра. — Ты не примешь никакого иного толкования.

— На все воля Аллаха. На одних людей Аллах обрушил Свой грозный бич, отразив их грешную суть в их гниющей, уродливой плоти. Других, таких как Сайид, Аллах отметил печатью Своего благоволения. Каждому воздал по заслугам. Он избрал меня вести за собой правоверных. Я лишь делаю то, что должен: у меня есть Сайид, который возглавляет мое войско, и я сражаюсь с подпольщиками вроде аль-Муэдзина. Ты тоже ведешь людей за собой. Ты — Фкиха, та, что направляет женщин. — Свет Аллаха снова повернулся к ней. В полумраке он походил на мерцающий призрак. — А поскольку я исполняю волю Аллаха, ты должна исполнять мою.

Понедельник, 1 декабря 1986 года, Нью-Йорк

На приеме для прессы творилось нечто невообразимое. Грегу Хартманну наконец-то удалось улизнуть в пустой закуток за одной из наряженных елок; его жена Эллен и помощник Джон Верзен последовали примеру сенатора. Он оглядел зал и нахмурился. Потом покачал головой, глядя на туза из министерства юстиции, Билли Рэя, или Карнифекса, как его еще называли, и сотрудника службы безопасности, которые попытались присоединиться к ним. Он сделал им знак оставить его с женой и помощником наедине.

Весь последний час Грег занимался тем, что отражал нападки репортеров, дежурно улыбался в объективы видеокамер и щурился от фотовспышек. Вопросы, которые выкрикивали с мест журналисты, и стрекот «никонов» сливались в оглушающий гул. Из потолочных динамиков лились рождественские мелодии.

Сейчас основная масса журналистов сгрудилась вокруг доктора Тахиона, Кристалис и Соколицы. Рыжие волосы такисианина пламенели в толпе, словно маяк; Соколица и Кристалис, казалось, наперегонки принимали перед камерами самые соблазнительные позы. Рядом с ними стоял Джек Браун — Золотой Мальчик, — которого демонстративно никто не замечал.

После того как подчиненные Хирама Уорчестера из «Козырных тузов» расставили столики с закусками, толпа заметно поредела; некоторые журналисты прочно обосновались вблизи ломящихся от яств подносов.

— Простите, босс, — сказал Джон за спиной у Грега. Помощник сенатора весь взмок, хотя в зале было прохладно. Помаргивающие огоньки рождественских гирлянд отражались в его покрытом испариной лбу: красные сменялись синими, затем зелеными. — Это кто-то в аэропорту дал маху. Такой давки не должно было быть. Я сказал им, что хочу, чтобы представителей прессыпустили уже после того, как вы все рассядетесь. Они задали бы несколько вопросов, а потом... — Он пожал плечами. — Это моя вина. Надо было лично проверить и убедиться, что все сделали как надо.

Эллен бросила на помощника испепеляющий взгляд, но ничего не сказала.

— Если Джон извиняется, помучьте его хорошенько, прежде чем простить. Это просто черт знает что такое!

Эти слова были произнесены шепотом на ухо Грегу — вторая его верная помощница, Эми Соренсон, расхаживала в толпе под видом сотрудницы службы безопасности. Ее двусторонняя рация была напрямую подключена к крошечному беспроводному приемничку в ухе сенатора. Она подсказывала ему имена и снабжала разнообразными сведениями, касавшимися людей, с которыми он сталкивался. Грег не жаловался на память, и все же Эми всегда была готова прийти ему на помощь. С двумя такими ассистентами Грег редко когда оказывался не в состоянии поприветствовать кого-либо из окружающих как своего доброго знакомого.